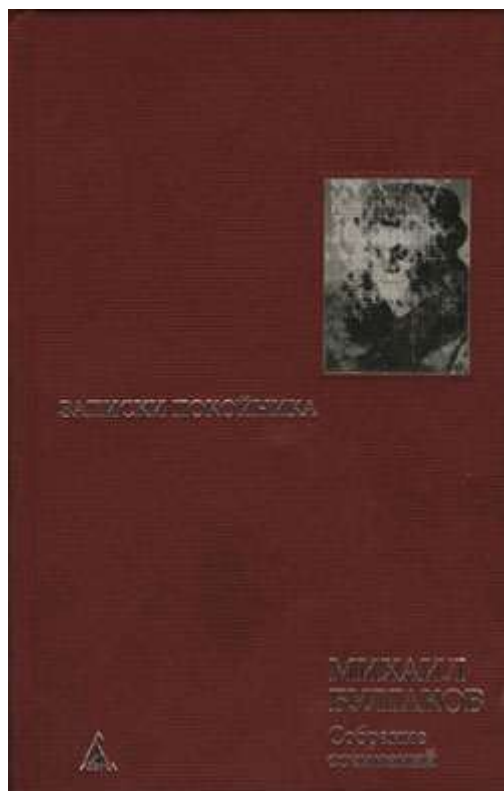

Михаил Афанасьевич Булгаков
Необыкновенные приключения доктора

*«Т. 1: Записки покойника: Автобиографическая проза»: Азбука-классика; СПб; 2002
ISBN 5-352-00139-3; 5-352-00140-7 (т. 1)*

Михаил Афанасьевич Булгаков

Необыкновенные приключения доктора

Доктор N, мой друг, пропал. По одной версии его убили, по другой – он утонул во время посадки в Новороссийске, по третьей – он жив и здоров и находится в Буэнос-Айресе.

Как бы там ни было, чемодан, содержащий в себе три ночных сорочки, бритвенную щеточку, карманную рецептуру доктора Рабова (изд. 1916 г.), две пары носков, фотографию профессора Мечникова, окаменевшую французскую булку, роман «Марья Лусьева за границей»¹, шесть порошков пирамидона по 0,3 и записную книжку доктора, попал в руки его сестры.

Сестра послала записную книжку по почте мне вместе с письмом, начинавшимся словами: «Вы литератор и его друг, напечатайте, т. к. это интересно»... (Дальше женские рассуждения на тему «о пользе чтения», пересыпанные пятнами от слез.)

Я не нахожу, чтоб это было особенно интересно – некоторые места совершенно нельзя разобрать (у доктора N отвратительный почерк), тем не менее печатаю бессвязные записки из книжки доктора без всяких изменений, лишь разбив их на главы и переименовав их.

Само собой, что гонорар я отправлю доктору N в Буэнос-Айрес, как только получу точные сведения, что он действительно там.

I. БЕЗ ЗАГЛАВИЯ – ПРОСТО ВОПЛЬ

За что ты гонишь меня, судьба?! Почему я не родился сто лет тому назад²? Или еще лучше: через сто лет. А еще лучше, если б я совсем не родился. Сегодня один тип мне сказал: «Зато вам будет что порассказать вашим внукам!» Болван такой! Как будто единственная мечта у меня – это под старость рассказывать внукам всякий вздор о том, как я висел на заборе!.....

И притом не только внуков, но даже и детей у меня не будет³, потому что, если так будет продолжаться, меня, несомненно, убьют в самом ближайшем времени

.....

.....

К черту внуков. Моя специальность – бактериология⁴. Моя любовь – зеленая лампа и книги в моем кабинете. Я с детства ненавидел Фенимора Купера⁵, Шерлока Холмса, тигров и ружейные выстрелы, Наполеона, войны и всякого рода молодецкие подвиги матроса Кошки.

У меня нет к этому склонности. У меня склонность к бактериологии.

А между тем...

Погасла зеленая лампа. «Химиотерапия спираллезных заболеваний» валяется на полу. Стреляют в переулке. Меня мобилизовала пятая по счету власть⁶.

¹...роман «Марья Лусьева за границей»... – Имеется в виду популярный в свое время роман известного писателя А. В. Амфитеатрова (1862–1938) «Марья Лусьева за границей» (СПб., 1912), рассказывающий о жизни проституток.

² Почему я не родился сто лет тому назад? – Это одна из постоянных тем Булгакова после двух революций в России. Почти дословно об этом же писал Булгаков Н. А. Земской 31 декабря 1917 г.: «Я с умилением читаю старых авторов... и упиваюсь картинами старого времени. Ах, отчего я опоздал родиться! Отчего я не родился сто лет назад?»

³...и детей у меня не будет... – Когда у Т. Н. Лаппа спросили, почему у них с Булгаковым не было детей, она ответила исчерпывающе коротко: «Потому что жизнь такая».

⁴ Моя специальность – бактериология. – В письме Н. А. Земской (3.10.1917) есть такая просьба Булгакова: «Купи, пожалуйста, книгу Клопштока и Коварского „Практическое руководство по клинической химии, микроскопии и бактериологии“... и вышли мне». Напомним, что брат писателя Н. А. Булгаков («Николка Турбин») стал выдающимся бактериологом, работая в Институте Пастера в Париже.

⁵ Я с детства ненавидел Фенимора Купера. – Ср. с записью в дневнике писателя от 26 октября 1923 г.: «Сейчас я просмотрел „Последнего из могикиан“, которого недавно купил для своей библиотеки. Какое обаяние в этом старом сентиментальном Купере!» Ф. Купер был одним из любимейших писателей Булгакова.

⁶ Меня мобилизовала пятая по счету власть. – Речь идет о власти гетмана П. П. Скоропадского, просуществовавшая с 29 апреля по 14 декабря 1918 г.

II. ЙОД СПАСАЕТ ЖИЗНЬ

Вечер... декабря.

Пятую власть выкинули⁷, а я чуть жизни не лишился... К пяти часам дня все спуталось. Мороз. На восточной окраине пулеметы стрекотали. Это – «ихние». На западной пулеметы – «наши». Бегут какие-то с винтовками. Вообще – вздор. Извозчики едут. Слышу, говорят: «Новая власть тут...»

«Ваша часть (какая, к черту, она моя!!) на Владимирской». Бегу по Владимирской и ничего не понимаю. Суматоха какая-то. Спрашиваю всех, где «моя» часть... Но все летят, и никто не отвечает. И вдруг вижу – какие-то с красными хвостами на шапках пересекают улицу и кричат:

– Держи его! Держи!

Я оглянулся – кого это?

Оказывается – меня!

Тут только я сообразил, что надо было делать, – просто-напросто бежать домой! И я кинулся бежать. Какое счастье, что догадался юркнуть в переулок. А там сад. Забор. Я на забор.

Те кричат:

– Стой!

Но как я ни неопытен во всех этих войнах, а понял инстинктом, что стоять вовсе не следует. И через забор. Вслед: трах! трах! И вот откуда-то злобный, взъерошенный белый пес ко мне. Ухватился за шинель, рвет вдребезги. Я свесился с забора. Одной рукой держусь, в другой банка с йодом (200 gr.). Великолепный германский йод. Размышлять некогда. Сзади топот. Погубит меня пес. Размахнулся и ударил его банкой по голове. Пес моментально окрасился в рыжий цвет, взвыл и исчез. Я через сад. Калитка. Переулок. Тишина. Домой.....

...До сих пор не могу отдышаться!

...Ночью стреляли из пушек на юге, но чьи это – уж не знаю. Безумно йода жаль.

III. НОЧЬ СО 2-го НА 3-е⁸

Происходит что-то неопишемое... Новую власть тоже выгнали⁹. Хуже нее ничего на свете не может быть. Слава Богу. Слава Богу. Слава...

Меня мобилизовали вчера. Нет, позавчера. Я сутки провел на обледеневшем мосту. Ночью 15° ниже нуля (по Реомюру) с ветром. В пролетах свистело всю ночь. Город горел огнями на том берегу. Слободка на этом. Мы были посредине. Потом все побежали в город. Я никогда не видел такой давки. Конные. Пешие. И пушки ехали, и кухни. На кухне сестра милосердия. Мне сказали, что меня заберут в Галицию. Только тогда я догадался бежать. Все ставни были закрыты, все подъезды были заколочены. Я бежал у церкви с пухлыми белыми колоннами. Мне стреляли вслед. Но не попали. Я спрятался во дворе под навесом и просидел там два часа. Когда луна скрылась, вышел. По мертвым улицам бежал домой. Ни одного человека не встретил. Когда бежал, размышлял о своей судьбе. Она смеется надо мной. Я – доктор, готовлю диссертацию, ночью сидел, как крыса, притаившись, в чужом дворе! Временами я жалею, что я не писатель. Но, впрочем, кто поверит! Я убежден, что, попадись эти мои заметки кому-нибудь в руки, он подумает, что я все это выдумал.

Под утро стреляли из пушек.

⁷ *Пятую власть выкинули...* – Свержение «Украинской державы» гетмана Скоропадского осуществили войска армии Симона Петлюры, образовав националистическую Директорию

⁸ *Ночь со 2-го на 3-е.* – Событие это настолько врезалось в память писателя, что он многократно возвращался к нему в своих сочинениях. См., например, рассказ «В ночь на 3-е число».

⁹ *Новую власть тоже выгнали.* – На смену петлюровщине пришли войска большевиков. В Киев они вступили 5 февраля 1919 г.

IV. ИТАЛЬЯНСКАЯ ГАРМОНИКА

15 февраля.

Сегодня пришел конный полк, занял весь квартал. Вечером ко мне на прием явился один из 2-го эскадрона (эмфизема). Играл в приемной, ожидая очереди, на большой итальянской гармонии. Великолепно играет этот эмфизематик («На сопках Маньчжурии»), но пациенты были страшно смущены, и выслушивать совершенно невозможно. Я принял его вне очереди. Моя квартира ему очень понравилась. Хочет переселиться ко мне со взводным. Спрашивает, есть ли у меня граммофон...

Эмфизематику лекарство в аптеке сделали в двадцать минут и даром. Это замечательно, честное слово!

17 февраля.

Спал сегодня ночью – граммофон внизу сломался.

Достал бумажки с 18 печатями о том, что меня нельзя уплотнить, и наклеил на парадной двери, на двери кабинета и в столовой.

21 февр.

Меня уплотнили...

22 февр.

...И мобилизовали¹⁰.

...марта.

Конный полк ушел воевать с каким-то атаманом. За полком на подводе ехал граммофон и играл «Вы просите песен»¹¹. Какое все-таки приятное изобретение!

Из пушек стреляли под утро...

V

.....
.....

VI

Артиллерийская подготовка и сапоги

.....
.....

VII

Кончено. Меня увозят¹².

¹⁰ ...И мобилизовали. – Мобилизовать Булгакова могли в это время только красные. По сути, это почти единственный намек на то, что ему пришлось служить и в красных частях. Правда, 19 октября 1936 г., поступая на службу в Большой театр и заполняя анкету, писатель в графе «Участие в белой и других контрреволюционных армиях» записал: «В 1919 году, проживая в г. Киеве, последовательно призывался на службу в качестве врача всеми властями, занимавшими город». Но о самой службе в красных частях Булгаков нигде не обронил ни слова. И до сих пор этот отрезок времени остается тайной.

¹¹ «Вы просите песен». – Популярный романс на музыку и слова Саши Макарова.

¹² Кончено. Меня увозят. – Деникинская армия вступила в Киев 31 августа 1919 г. Население города приветствовало освободителей (правда, через некоторое время отношение к деникинцам стало меняться в худшую сторону – прежде всего из-за мародерства). Братья Булгаковы добровольно записались в Белую армию. Михаил Булгаков, как

.....
.....
...Из пушек

...и.....

VIII. ХАНКАЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ

Сентябрь.

Временами мне кажется, что все это сон. Бог грозный наворотил горы. В ущельях плывут туманы. В прорезях гор грозовые тучи. И бурно плещет по камням

...мутный вал.

Злой чечен ползет на берег,

Почит свой кинжал¹³.

Узун-Хаджи¹⁴ в Чечен-ауле¹⁵. Аул растянулся на плоскости на фоне синеватой дымки гор. В плоском Ханкальском ущелье пылят по дорогам арбы, двуколки. Кизлярогребенские казаки стали на левом фланге, гусары на правом. На вытопанных кукурузных полях батареи. Бьют шрапнелью по Узуну. Чеченцы как черти дерутся с «белыми чертями». У речонки, на берегу которой валяется разбухший труп лошади, на двуколке треплется краснокрестный флаг. Сюда волокут ко мне окровавленных казаков, и они умирают у меня на руках.

Грозовая туча ушла за горы. Льет жгучее солнце, и я жадно глотаю смрадную воду из ма-нерки. Мечутся две сестры, поднимают бессильные свесившиеся головы на соломе двуколок, перевязывают белыми бинтами, поят водой.

Пулеметы гремят дружно целой стаей.

Чеченцы шпарят из аула. Бьются отчаянно. Но ничего не выйдет. Возьмут аул и зажгут. Где ж им с двумя паршивыми трехдюймовками устоять против трех батарей кубанской пехоты...

С гортанными воплями понесся их лихой конный полк вытопанными, выжженными кукурузными пространствами. Ударил с фланга в терских казачков.

Те чуть теку не дали. Но подсыпали кубанцы, опять застрочили пулеметы и загнали наездников за кукурузные поля на плато, где видны в бинокль обреченные сакли.

Ночь.

Все тише, тише стрельба. Гуще сумрак, таинственнее тени. Потом бархатный полог и бескрайний звездный океан. Ручей сердито плещет. Фыркают лошади, а на правой стороне в кубанских батальонах горят, мигая, костры. Чем черней, тем страшней и тоскливей на душе. Наш костер трещит. Дымом то на меня потянет, то в сторону отнесет. Лица казаков в трепетном свете изменчивые, странные. Вырываются из тьмы, опять ныряют в темную бездну. А ночь нарастает безграничная, черная, ползучая. Шалит, пугает. Ущелье длинное. В ночных бархатах – неизвест-

военврач, был отправлен на Кавказ. Но детали этого события по-прежнему остаются непроясненными.

¹³ ...мутный вал... свой кинжал. – Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня» (1838):

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал...

¹⁴ Узун-Хаджи... – Узун Хайр Хаджи Хан (?–1920), имам и эмир так называемого Северо-Кавказского эмиратства, созданного при поддержке Турции на территории Чечни со столицей в ауле Ведено. В сложившейся после революции сложной ситуации Узун-Хаджи помогал большевикам, полагая сохранить свое эмиратство хотя бы относительно независимым. Боролся против Деникинской армии, поскольку смысл ее действий был для него абсолютно ясен: единая и неделимая Россия. Победа деникинцев была смертельно опасной для сепаратистов.

¹⁵ ...в Чечен-ауле. – Чечен-аульский бой (15–16 октября 1919 г.) один из самых ярких и кровопролитных, в которых участвовал Булгаков в качестве военного врача в составе 3-го Терского полка. Позже ученые-историки, восстанавливавшие этот бой на основе источников, поражались точности, с которой описал сражение Михаил Булгаков.

ность. Тыла нет. И начинает казаться, что оживает за спиной дубовая роща. Может, там уже ползут, припадая к росистой траве, тени в черкесках. Ползут, ползут... И глазом не успеешь моргнуть: вылетят бешеные тени, распаленные ненавистью, с воем, с визгом и... аминь!

Тьфу, черт возьми!

– Поручиться нельзя, – философски отвечает на кой-какие дилетантские мои соображения относительно непорочности и каверзости этой ночи сидящий у костра Терского 3-го конного казачок, – заскочить с хлангу. Бывало.

Ах, типун на язык! «С хлангу»! Господи Боже мой! Что же это такое! Навоз жуют лошади, дула винтовок в огненных отблесках. «Поручиться нельзя»! Туманы в тьме. Узун-Хаджи в роковом ауле¹⁶...

Да что я, Лермонтов, что ли! Это, кажется, по его специальности? При чем здесь я!!

Заваливаюсь на брезент, съезживаюсь в шинели и начинаю глядеть в бархатный купол с алмазными брызгами. И тотчас взвизывает надо мной мутно-белая птица тоски. Встает зеленая лампа, круг света на глянцеватых листах, стены кабинета... Все полетело верхним концом вниз и к чертовой матери! За тысячи верст на брезенте, в страшной ночи. В Ханкальском ущелье...

Но все-таки наступает сон. Но какой? То лампа под абажуром, то гигантский темный абажур ночи и в нем пляшущий огонь костра. То тихий скрип пера, то треск огненных кукурузных стеблей. Вдруг утонешь в мутноватой сонной мгле, но вздрогнешь и вскинешься. Загремели шашки, взвыли гортанные голоса, засверкали кинжалы, газыри с серебряными головками... Ах!.. Напали!

...Да нет! Это чудится... Все тиха. Пофыркивают лошади, рядами лежат черные бурки – спят истомленные казаки. И золой покрываются угли, и холодом тянет сверху. Встает бледный далекий рассвет.

Усталость нечеловеческая. Уж и на чеченцев наплевать. Век не поднимешь – свинец. Пропадает из глаз умирающий костер... Наскочат с «хлангу», как кур зарежут. Ну и зарежут. Какая разница...

Противный этот Лермонтов. Всегда терпеть не мог¹⁷. Хаджи. Узун. В красном переплете в одном томе. На переплете золотой офицер с незрячими глазами и эполеты крылышками. «Тебя я, вольный сын эфира¹⁸». Склянка-то с эфиром лопнула на солнце... Мягче, мягче, глуше, темней. Сон.

IX. ДЫМ И ПУХ

Утро.

Готово дело. С плато поднялись клубы черного дыма. Терцы поскакали за кукурузные пространства. Опять взвыл пулемет, но очень скоро перестал.

Взяли Чечен-аул.,

И вот мы на плато. Огненные столбы взлетают к небу. Пылают белые домики, заборы, трещат деревья. По кривым улочкам метет пламенная вьюга, отдельные дымки свивают в одну тучу, и ее тихо относит на задний план к декорации оперы «Демон¹⁹».

Пухом полна земля и воздух. Лихие гребенские станичники проносятся вихрем к аулу, потом обратно. За седлами, пачками связанные, в ужасе воят куры и гуси.

У нас на стоянке с утра идет лукулловский пир²⁰. Пятнадцать кур бухнули в котел. Золоти-

¹⁶ *Узун-Хаджи в роковом ауле...* – Конечно, Булгаков не мог знать, что Узун-Хаджи предал своих союзников – местных чеченцев и красных партизан – и ушел со своим отрядом из аула.

¹⁷ *Противный этот Лермонтов. Всегда терпеть не мог.* – «Противность» Лермонтова, конечно, определяется в данном случае той кошмарной ситуацией, в которую попал Булгаков в «лермонтовских» местах.

¹⁸ «Тебя я, вольный сын эфира». – Из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон».

¹⁹ ...к декорации оперы «Демон». – Опера «Демон» написана композитором А. Г. Рубинштейном (1829–1894) в 1871 г.

²⁰ ...лукулловский пир. – Крылатое выражение, перешагнувшее тысячелетия. Римский полководец Луций Лициний Лукулл (ок. 117 – ок. 56 до н.э.) прославился богатейшими и изысканными пирами.

стый, жирный бульон – объедение. Кур режет Шугаев, как Ирод младенцев.

А там, в таинственном провале между массивами, по склонам которых ползет и тает ключеватый туман, пылая мщением, уходит таинственный Узун со всадниками²¹.

Голову даю на отсечение, что все это кончится скверно. И поделом – не жги аулов.

Для меня тоже кончится скверно. Но с этой мыслью я уже помирился. Стараюсь внушить себе, что это я вижу сон. Длинный и скверный.

Я всегда говорил, что фельдшер Голендюж – умный человек. Сегодня ночью он пропал без вести. Но хотя вести он и не оставил, я догадываюсь, что он находится на пути к своей заветной цели, именно на пути к железной дороге, на конце которой стоит городок. В городке его семейство. Начальство приказало мне «произвести расследование». С удовольствием. Сажу на ящике с медикаментами и произвожу. Результат расследования: фельдшер Голендюж пропал без вести. В ночь с такого-то на такое-то число. Точка.

Х. ДОСТУКАЛСЯ И ДО ЧЕЧЕНЦЕВ

Жаркий, сентябрьский день²².

...Скандал! Я потерял свой отряд. Как это могло произойти? Вопрос глупый, здесь все может произойти. Что угодно. Коротко говоря: нет отряда.

Над головой раскаленное солнце, кругом выжженная травка. Забытая колея. У колеи двуколка, в двуколке я, санитар Шугаев и бинокль. Но главное – ни души. Ну ни души на плато. Сколько ни шарили стекла Цейса²³ – ни черта. Сквозь землю провалились все. И десятитысячный отряд с пушками, и чеченцы. Если бы не дымок от догорающего в верстах пяти Чечена, я бы подумал, что здесь и никогда вообще людей не бывало.

Шугаев встал во весь рост в двуколке, посмотрел налево, повернулся на 180 градусов, посмотрел и направо, и назад, и вперед, и вверх и слез со словами:

– Паршиво.

Лучше ничего сказать нельзя. Что произойдет в случае встречи с чеченцами, у которых спалили пять аулов, предсказать не трудно. Для этого не нужно быть пророком.....

Что же, буду записывать в книжечку до последнего. Это интересно.

Поехали наобум.

...Ворон взмыл кверху. Другой вниз. А вон и третий. Чего это они крутятся? Подъезжаем. У края брошенной заросшей дороги лежит чеченец. Руки разбросал крестом. Голова закинута. Лохмотья черной черкески. Ноги голые. Кинжала нет. Патронов в газырях нет. Казачки народ запасливый, вроде гоголевского Осипа²⁴:

– И веревочка пригодится²⁵.

Под левой скулой черная дыра, от нее на грудь, как орденская лента, тянется выгоревший под солнцем кровавый след. Изумрудные мухи суеются, облепив дыру. Раздраженные вороны вьются невысоко, покрикивают...

Дальше!..

...Цейс галлюцинирует! Холм, а на холме, на самой вершине, – венский стул! Кругом пустыня! Кто на гору затащил стул? Зачем?..

²¹ ...уходит... Узун со всадниками. – Отходил после боя не Узун, покинувший Чечен-аул накануне, а отряд красных партизан.

²² Жаркий, сентябрьский день. – Небольшая авторская неточность. Если считать по старому стилю, то это было начало октября.

²³ ...стекла Цейса... – Бинокль знаменитой фирмы Карла Фридриха Цейса (1816–1888), основанной в 1846 г.

²⁴ ...вроде гоголевского Осипа... – Персонаж гоголевской комедии «Ревизор», слуга Хлестакова.

²⁵ – И веревочка пригодится. – Слова Осипа из действия IV комедии «Ревизор».

...Объехали холм осторожно. Никого. Уехали, а стул все лежит.
Жарко. Хорошо, что полную манерку захватил.

Под вечер.

Готово! Налетели. Вот они, горы, в двух шагах. Вон ущелье. А из ущелья катят. Кони-то, кони! Шашки в серебре... Интересно, кому достанется моя записная книжка²⁶? Так никто и не прочтет! У Шугаева лицо цвета зеленоватого. Вероятно, и у меня такое же. Машинально пошевелил браунинг в кармане. Глупости. Что он поможет! Шугаев дернулся. Хотел погнать лошадей и замер.

Глупости. Кони у них – смотреть приятно. Куда ускачешь на двух обозных? Да и шагу не сделаешь. Вскинет любой винтовку, приложится, и кончен бал.

– Э-хе-хе, – только и произнес Шугаев.

Заметили. Подняли пыль. Летят к нам. Доскакали. Зубы белые сверкают, серебро сверкает. Глянул на солнышко. До свиданья, солнышко...

...И чудеса в решете!.. Наскакали, лошади кругом танцуют. Не хватают... галдят:

– Та-ла-га-га!

Черт их знает, что они хотят. Впился рукой в кармане в ручку браунинга, предохранитель на огонь перевел. Схватят – суну в рот. Так оно лучше. Так научили.

А те галдят, в грудь себя бьют, зубы скалят, указывают вдаль.

– А-ля-ма-мя... Болгатоэ-э!

– Шали-аул! Га-го-гыр-гыр.

Шугаев человек бывалый. Опытный. Вдруг румянцем по зелени окрасился, руками замаhal, заговорил на каком-то изумительном языке:

– Шали, говоришь? Так, так. Наша Шали-аул пошла? Так, так. Болгатоэ. А наши-то где? Там?

Те расцвели улыбками, зубы изумительные. Руками машут, головами кивают.

Шугаев окончательно приобрел нормальный цвет лица.

– Мирные! Мирные, господин доктор. Замирили их. Говорят, что наши через Болгатоэ на Шали-аул пошли. Проводить хотят! Да вот и наши! С места не сойти, наши!

Глянул – внизу у склона пылит. Уходит хвост колонны. Шугаев лучше Цейса видит.

У чечен лица любовные. Глаз с Цейса не сводят.

– Понравился бинок, – хихикнул Шугаев.

– Ох, и сам я вижу, что понравился. Ох, понравился. Догнать бы скорей колонну!

Шугаев трясется на облучке, читает мысли, утешает.

– Не извольте беспокоиться. Тут не тронут. Вон они, наши! Вон они! Не ежели бы версты две подальше, – он только рукой махнул.

А кругом:

– Гыр... гыр!

Хоть бы одно слово я понимал! А Шугаев понимает и сам разговаривает. И руками, и языком. Скачут рядом, шашками побрякивают. В жизнь не ездил с таким конвоем...

XI. У КОСТРА

Горит аул. Узуна гонят. Ночь холодная. Жмемся к костру. Пламя играет на рукоятках. Они сидят поджавши ноги и загадочно смотрят на красный крест на моем рукаве. Это замиренные, покорившиеся. Наши союзники. Шугаев пальцами и языком рассказывает, что я самый главный и важный доктор. Те кивают головами, на лицах почтение, в глазах блеск. Но ежели бы версты две подальше...

²⁶ Интересно, кому достанется моя записная книжка? – Косвенное свидетельство того, что Булгаков вел в это время дневник в виде записной книжки. Видимо, это был превосходный материал для создания второго и третьего томов эпопеи «Белая гвардия». Но воспользоваться этим материалом пришлось лишь частично – при написании рассказов.

XII²⁷

.....

XIII

Декабрь.

Эшелон готов. Пьяны все. Командир, казаки, кондукторская бригада и, что хуже всего, машинист. Мороз 18 градусов. Теплушки как лед. Печки ни одной. Выехали ночью глубокой. Задвинули двери теплушки. Закутались во что попало. Спиртом я сам поил всех санитаров. Не пропадать же, в самом деле, людям! Колыхнулась теплушка, залязгало, застучало внизу. Покатились.

Не помню, как я заснул и как выскочил. Но зато ясно помню, как я, скатываясь под откос, запорошенный снегом, видел, что вагоны с треском раздавливали, как спичечные коробки. Они лезли друг на друга. В мутном рассвете сыпались из вагонов люди. Стон и вой. Машинист загал, не смотря на огонь семафора, эшелон на встречный поезд...

Шугаева жалко. Ногу переломил.

До утра в станционной комнате перевязывал раненых и осматривал убитых...

Когда перевязал последнего, вышел на загроможденное обломками полотно. Посмотрел на бледное небо. Посмотрел кругом...

Тень фельдшера Голендюка встала передо мной... Но куда, к черту! Я интеллигент.

XIV. ВЕЛИКИЙ ПРОВАЛ

Февраль.

Хаос. Станция горела. Потом неся в поезде. Швыряло последнюю теплушку... Безумие какое-то.

И сюда накатилась волна.....

.....

Сегодня я сообразил наконец. О, бессмертный Голендюк! Довольно глупости, безумия. В один год я перевидал столько, что хватило бы Майн Рида на 10 томов. Но я не Майн Рид и не

²⁷ XII. – Булгаков не стал в рассказе описывать дальнейшие бои в Чечне (видимо, были для этого причины, о которых мы уже упоминали), но эпизод боя под Шали-аулом он записал в своем более позднем дневнике, в ночь на 24 декабря 1924 г. Вот эта в высшей степени знаменательная запись: «...в „Гудке“... держал речь обычную и заданную мне, – о том, каким должен быть „Гудок“. Я до сих пор не могу совладать с собой. Когда мне нужно говорить, и сдерживать болезненные арлекинские жесты. Во время речи хотел взмахивать обеими руками, но взмахивал одной правой, и вспомнил вагон в январе 20-го года, и фляжку с водкой на сером ремне, и даму, которая жалела меня за то, что я так страшно дергаюсь. Я смотрел на лицо Р. О. и видел двойное видение. Ему говорил, а сам вспоминал... Нет, не двойное, а тройное. Значит, видел Р. О., одновременно – вагон, в котором я поехал не туда, куда нужно, и одновременно же – картину моей контузии под дубом и полковника, раненного в живот.

Бессмертье – тихий светлый берег...

Наш путь – к нему стремление.

Покойся, кто свой кончил бег,

Вы, странники терпенья...

Чтобы не забыть и чтобы потомство не забыло, записываю, когда и как он умер. Он умер в ноябре 19-го года во время похода за Шали-аул, и последнюю фразу сказал мне так:

– Напрасно вы утешаете меня, я не мальчик.

Меня уже контузили через полчаса после него. Так вот, я видел тройную картину. Сперва – этот ночной ноябрьский бой, сквозь него – вагон, когда уже об этом бое рассказывал, и этот бессмертно-проклятый зал в „Гудке“. „Блажен, кого постигнул бой“. Меня он постигнул мало, и я должен получить свою порцию».

К этой записи мы будем еще возвращаться, так как она *многозначна* и в ней затронуты многие проблемы (например, ясно виден замысел будущего «Бега»), но сейчас подчеркнем лишь один момент: сколько еще таких эпизодов держал в памяти (и зафиксировал в записной книжке) писатель! Ясно, что самое важное и самое сокровенное ему приходилось скрывать и держать в себе.

Буссенар. Я сыт по горло и совершенно загрызен вшами. Быть интеллигентом вовсе не значит обязательно быть идиотом...

Довольно!

Все ближе море! Море! Море!

.....
Проклятие войнам отныне и вовеки!

Комментарии. В. И. Лосев

Впервые – Рупор. 1922. Вып. 2.

Печатается по указанному изданию.

Рассказ по объему небольшой, но по содержащейся в нем информации (явной и потенциальной) представляет исключительную ценность. Булгаков изображает в нем свои метания, скитания и страдания (в форме калейдоскопических приключений) в годы бешеных кровавых событий в России (конец 1918 – начало 1920 г.).

Рассказ составлен в виде записной книжки, как и «Записки на манжетах», «Морфий» и другие сочинения. Ничего удивительного в этом нет, поскольку Булгаков в течение нескольких лет вел дневниковые записи, которые и стали основой, канвой ряда литературных произведений.

Но, видимо, «литературная обработка» дневниковых записей представляла для писателя определенные трудности, поскольку фиксировались события в дневнике в одних политических условиях, а «обрабатывались» в совершенно иных. Едва ли дневниковые записи, скажем, конца 1919 г. сильно отличались по политическому смыслу и накалу от тех идей и мыслей, которые были изложены Булгаковым в ярчайшей статье «Грядущие перспективы», опубликованной в ноябре того же года. Все свои надежды и планы Булгаков связывал в то время с белым движением.

Так что в рассказе, вышедшем в свет в Москве образца 1922 г., прежние идеи и мысли появиться не могли, да и сама «фактура» событий, несомненно, должна была трансформироваться в приемлемо-разумную хронику; некоторые же важные события в период примерно с марта по август 1919 г. писатель вынужден был зашифровать, представив их в виде таинственных намеков... Они позволяли по-разному трактовать участие писателя в событиях того времени. Они же и сейчас служат укором исследователям-булгаковедам, мало что выяснившим в биографии писателя этого периода.

Конечно, Булгаков прекрасно понимал, что ему невозможно будет полностью скрыть свое белогвардейское прошлое, поэтому перед ним стояла сложная задача это прошлое показать в довольно мягких и гибких формах, что ему в основном и удалось сделать.

Можно предположить, что Булгаков уже в этот ранний московский период ясно осознал, что задуманный им роман-эпопею «Белая гвардия» реализовать в полном объеме (петлюровщина – власть чрезвычай – война на Кавказе) при существующей власти будет невозможно. И рассказ «Необыкновенные приключения доктора» ценен прежде всего как схематическое изображение неосуществленного гигантского замысла писателя.